

Флоровский Г.В.

Творческий путь Владимира Соловьева

Публичная лекция

От издателя

Публичная лекция Г.В. Флоровского «Творческий путь Владимира Соловьева» была прочитана им на заседании «Русского Дома» в Париже в декабре 1925 г. по случаю двадцатипятилетия со дня смерти философа. Лекция сохранилась в двух версиях: в виде авторской рукописи и стенограммы, отпечатанной на машинке. Оба текста хранятся в архиве Флоровского в библиотеке Свято-Владимирской Православной Семинарии в г. Крествуд, штат Нью-Йорк, США (сокращенно – GFP SVSL). Рассматриваемые тексты вложены в тетрадь с рукописью лекций «Философия Вл. Соловьева», изданных нами в составе настоящей публикации. В упомянутом архиве Флоровского тетрадь хранится среди разрозненных документов и отдельных листов с заметками, конспектами цитат и библиографических данных, в боксе под общим названием «Notes» («Заметки»)¹. До настоящего времени обсуждаемые документы не были введены в научный оборот и публикуются впервые.

Рукописный текст лекции «Творческий путь Владимира Соловьева» написан на шестнадцати отдельных пронумерованных листах в линейку, формата 114 на 91 мм. Рукопись содержит большое количество исправлений и добавлений, сделанных карандашом и чернилами, которые в некоторых случаях приложены на отдельных листах. На оборотной стороне большинство листов содержат перечеркнутый крест-накрест черновой текст рукописи Флоровского «О типах исторического истолкования»². Окончание рукописи «Творческий путь Владимира Соловьева» и ее датировка отсутствуют.

¹ Georges Florovsky Papers, St. Vladimir's Seminary Library (GFP SVSL). Бокс «Notes», («Заметки»), без папки.

² Флоровский опубликовал статью с этим названием в издании: Сборник в честь

В отличие от рукописи, стенографический вариант лекции «Творческий путь Владимира Соловьева» отпечатан на двух больших листах размером 190 на 236 мм каждый, сложенных вчетверо. В общей сложности, стенограмма состоит из пяти страниц текста размером 190 на 118 мм каждая. В стенограмме встречаются частые сокращения и пропуски. Судя по фрагментарному состоянию машинописи, стенографист(ка) не успевал(а) записывать за Флоровским или просто не мог(ла) расслышать всего, что он говорил. В отличие от авторского манускрипта, в стенограмме название и эпиграф к лекции отсутствуют. Учитывая то обстоятельство, что Флоровский хранил оба документа вместе, а также на основании того, что они значительно совпадают по содержанию, можно заключить с большой степенью вероятности, что машинопись действительно является стенограммой лекции «Творческий путь Владимира Соловьева». На основании сохранившегося в архиве пригласительного билета рукопись можно датировать не позднее декабря 1925 года. Таким образом, данная публичная лекция была составлена примерно через три года после того, как Флоровский начал работу над лекциями «Философия Вл. Соловьева», прочитанными в Праге зимой 1922–1923 гг.

Как лектор Флоровский не был рабом написанного и позволял себе значительные отклонения от подготовленного текста как по форме, так и по содержанию. Судя по стенограмме, некоторые мысли, изложенные более подробно в рукописи, при публичном прочтении были поданы более кратко, перефразированы или даже просто опущены. Вспоминая о своих выступлениях еще в студенческие годы в Одессе, в своем интервью Эндрю Блейну и Томасу Берду Флоровский признается: «My eyes have always been so poor, that I never can rely on notes. (Мое зрение было всегда таким плохим, что я никогда не мог полагаться на свои записи)»³. По этой причине, публикуемые тексты рукописи и стенограммы имеют много расхождений.

Несмотря на то, что лекция «Творческий путь Владимира Соловьева» была прочитана на вечере, посвященном двадцатипятилетию со дня смерти философа, она весьма далека от традиционного энкоуна. Лишь в общих чертах свидетельствуя Соловьеву свое почтение

на Васил Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорска дейност. София: Државна печатница, 1925. С. 521–241.

³ *Blane A., Bird T.* Interview with Fr. Georges Florovsky. April 4, 1969 // Личный архив Эндрю Блейна. С. 30. Автор благодарит трагически погибшего Мэтью Бейкера († 1 марта 2015 г.) за предоставление данного материала.

как мыслителю, Флоровский делает акцент на тех аспектах мировоззрения Соловьева, которые казались ему наиболее проблематичными. Так, например, по гипотезе Флоровского, пристрастие Соловьева к рационалистическим схемам и рациональному оправданию религиозного знания скрывало в Соловьеве внутренний скептицизм и религиозный надлом. С точки зрения Флоровского, кризис веры, который Соловьев пережил в юности, наложил отпечаток на всю его жизнь. Надо сказать, что Флоровский относился к подобного рода духовным переменам крайне подозрительно и предвзято, перенося свои подозрительность и предвзятость как на Соловьева, так и на других представителей религиозно-философского возрождения, которые были религиозно разбужены Соловьевым. Впрочем, Флоровский признается, что Соловьев «многих из нас впервые пробудил от догматического сна», очевидно, имея в виду не только своих старших современников, таких как Флоренский, Бердяев и Булгаков, но прежде всего самого себя. О том обстоятельстве, что сам Флоровский был разбужен Соловьевым, свидетельствуют как его письма, так и статьи одесского периода. Однако в ранние годы эмиграции, особенно в пражский период (1922–1924), отношение Флоровского к Соловьеву меняется на более критическое. И хотя он сам предостерегает от «суда над чужой жизнью», который может перейти в «горделивое осуждение», в своей лекции он тем не менее творит именно подобного рода суд над Соловьевым, ставя под сомнение церковность его религиозного опыта и правильность его пути. Несмотря на то обстоятельство, что в период прочтения лекции Флоровский только начинал заявлять себя как богослов, в эмиграции он с самого начала позиционирует себя как страж церковной ортодоксии, но только не в традиционалистских монашеских кругах (где на таковую роль и так было немало претендентов), а в среде либеральной религиозной интеллигенции, что придавало его точке зрения большую остроту. В этом смысле Флоровский был «двух станов не боец», который критиковал, с одной стороны, увлечение русских религиозных философов «нецерковным» мистицизмом, а с другой – мертвый традиционализм и воинствующий антиинтеллектуализм в церковной среде. В пражский период Флоровский стал рассматривать Соловьева как фигуру трагическую, с которой, как намекает он и в публикуемой лекции, связаны «тупики» развития русской религиозной мысли.

Настоящая лекция является важной вехой в интеллектуальной эволюции Флоровского. В письме к супруге от 1 (14) сентября 1924 г.

Флоровский рассказывал о своих планах написание докторской диссертации о Соловьеве, где он намеревался подвергнуть критике взгляды философа, которые он долгое время разделял. По его собственному выражению, Флоровский испытывал потребность «оттолкнуться [от Соловьева], чтобы прыгнуть», то есть отвергнуть метафизические и социально-политические основы философии Соловьева. Очевидно, подобного рода интеллектуальная эмансипация была внутренне необходима Флоровскому как мыслителю⁴.

Лекция представляет интерес также с точки зрения понимания методологических предпосылок Флоровского как историка философии. Метод Флоровского был наиболее близок к «психологизму» М.О. Гершензона, согласно которому главным средством познания философских систем является эмпатия (*Einfühlung*), т. е. некое симпатическое проникновение во внутренний мир изучаемых мыслителей, так сказать, «встреча умов», с целью обнаружения начальных волевых импульсов, эмоций и вопросов, породивших их системы. Как и Гершензон, в своих работах по истории философии Флоровский менее всего интересуется логическим соответствием различных частей изучаемых им философских систем: его интересует скорее общая эмоционально-культурная атмосфера эпохи, общий духовный климат, в котором живут идеи, нежели логический идейный костяк. Более подробно свою методологию Флоровский развивает в статьях «О типах исторического истолкования» (1925) и «Michael Gerschensohn» (1926), которые по времени публикации близки к обсуждаемой лекции. Некоторые идеи публикуемой лекции, как, например, его замечание о ранней философской зрелости Соловьева были затем развиты Флоровским в статье «Молодость Владимира Соловьева» (1928)⁵. Соответствующие параллели указаны нами в аннотациях.

Тексты рукописи и стенограммы публикуются в двух параллельных колонках для облегчения их сопоставления. Оба текста приведены в соответствие с современной орфографией и пунктуацией. В квадратных скобках расшифровываются части слов и предложений, которые сокращены или пропущены в рукописи и стенограмме.

⁴ Письмо Г.В. Флоровского К.И. Симоновой (в супружестве Флоровской) от 1 (14) сентября 1924 г. // Georges Florovsky Papers, Princeton University Library. Бокс 55, папка 5.

⁵ Путь. 1928. № 9. С. 83–88. Черновой вариант этой статьи частично сохранился на шести рукописных листах, вложенных в тетрадь с «Лекциями по философии Вл. Соловьева».

Творческий путь Владимира Соловьева

Речь, произнесенная по случаю двадцатипятилетия со дня смерти

Авторская рукопись

*Блажен путь воньже идеши днешь, душе,
яко уготовася тебе место упокоения⁶*

В урочные дни совершаем мы поминовение усопших и отошедших. И в такие дни невольно хочется воскресить, воссоздать перед собой их живой облик, их живые лица. Мало и недостаточно припомнить их слова и мысли, случаи и события их жизни, – хочется как бы снова очутиться с ними лицом к лицу, в живом общении, восчувствовать и ощутить их живую душу. И с особенной силой испытывают и переживают эту потребность те, кто верует и исповедует индивид[уальные] неразрушимость и бессмертие⁷ чел[овеческого] духа, для кого смерть есть путь и разлучение, а не конец, перелом, но не прекращение личной [2] судьбы, не срыв личности в небытие, но переход ее к инобытию. И еще острее и напряженнее становится это чувство, когда поминаем и вспоминаем тех, кто так именно веровал, кто утверждал эту веру всем сердечным исповедованием своим, от всей души, ума и помышления, и видел в этом исповедовании весь смысл своего призвания, своего жизненного под-

Печатная стенограмма

В урочные дни...

И в такие дни...

лица.

И с особенной силой...

а не конец, переход личности в инобытие, перелом, а не прекращение л[ичной] судьбы.

И еще острее и напряженнее становится это чувство, к[огда] мы вспоминаем и поминаем тех,...

смысл и оправдание своего л[ичного] призвания, с[воего] подвига и

⁶ «Счастлив путь твой, душа, ибо приготовлено тебе место упокоения» (церковнослав.). Цитата из Прокимна на погребение мирян (глас 6), Православный Типикон.

⁷ Слова «и бессмертие» вставлены в текст.

вига и дела. (Из-под покровов слов высвобождается и открывается самое дорогое и существенное – сущее в человеке, – он сам, его духовная личность с ее тоской и влечением, ~~живое лицо ближнего нашего~~ и его личная судьба.) Так должно быть и в час поминовения.

Вот почему в нынешний день воспоминаний о Соловьеве не только уместно, но именно совершенно необходимо говорить не только о его мировоззрении, не только о его суждениях и взглядах, но прежде всего о нем самом, о его творческом пути, о его жизненном подвиге, – не только о делах, но о деле. Ибо весь жизненный путь свой Соловьев проходил и ~~хотел проходить~~ осмысливал именно как путь религиозного подвига и служения, в остром сознании религиозной значительности ответственности [3] за «всяко слово гнило, еже аще рекут человецы»⁸, с тревожным чувством трудности работы Господней, ибо, припоминал он, – «проклят всяк творяй дело Господне с небрежением»⁹... И если Соловьев искушался, слабел, падал, обольщался, впадал в соблазн на этом пути, эти грехопадения и неудачи не противоречат религиозному пафосу его творческих борений...¹⁰

Вот почему...

не только об его фил[ософском] наследии, не т[олько] об его мировоззрении, его суждениях и взглядах, но прежде всего о нем самом, о его творческом пути, о его познавательном подвиге, о его жизн[енной] драме. Ибо сам С[оловьев] проходил и осмысливал свой путь им[енно] к[ак] путь рел[игиозного] подвига и служения, – в остром сознании р[елигиозной] ответственности, с трев[ожным] чувством, как «трудна работа Г[осподня]», ибо – напоминал он – «проклят [всяк творяй дело Господне с небрежением]...» И если С[оловьев] искуш[ался], слаб[ел], обольщался и падал на этом пути, эти грехопад[ения] и неудачи не отменяют рел[игиозного] пафоса и рел[игиозного] смысла его творч[еских] борений.

⁸ Парафраз или неточная цитата следующих новозаветных стихов: «слово гнило да не исходит из уст ваших» (Еф.4:29) и «глаголю вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный» (Мф. 12:36).

⁹ «Проклят всяк, совершающий работу Господню пренебрежительно» (церк. слав.) – Иер. 48: 10. Соловьев, в частности, цитирует этот библейский стих в конце предисловия к 1-му изданию своей книги «Оправдание добра» (1898).

¹⁰ Вставлено на отдельном листе [3А]: «Как бы мы в последнем счете не судили о религиозном пути и деле Соловьева, мы должны оставаться верными его

Чужую душу закрывает от нас не столько ее объективная недоступность, сколько наше собственное неумение и даже нежелание увидеть и понять ее, недостаток воли к пониманию. К чужой жизни, к чужому делу обычно мы¹¹ подходим своеобразно, – и, странным образом, с тем большим своеобразием, чем больше мы ценим и дорожим чужими мнением и делом. В чужих мировоззрениях обычно нас больше занимает, чему мы можем из него научиться¹², что можем мы из него взять, нежели то, что собственно¹³ хотел сказать, что видел и что¹⁴ описывал тот или другой мыслитель. И¹⁵ мы пересматриваем чужие мировоззрения применительно к нашим потребностям и вопросам подчас¹⁶ с упрямым [4] невниманием к тем вопросам, которые волновали и мучили и томили и жгли изучаемого нами мыслителя, и на которые прежде всего он и отвечал самому себе своим мировоззрением. Так творится и твердеет легенда, так складываются и устанавливаются стилизованные образы, закрывающие живые лица, образы, свидетельствующие больше о том, чем тот или другой мыслитель был – или даже, чем бы мы хотели, чтоб он был для нас, – нежели о том, чем он был для себя и о себе. Только

И как бы мы ни судили в посл[еднем] счете о жизн[енном] деле С[оловьева], мы д[олжны] оставаться верны его собств[енному] самосознанию и самоопред[елению], и судить о нем, как о рел[игиозном] пути и деле. Этого он сам хотел. К[огда] я говорю о творч[еском] пути С[оловьева], я имею в виду не его биографию, хотя бы внутреннюю или психологическую, не последовательный рассказ о том, что с ним случилось и свершалось. Тв[орческий] путь, это – не замкн[утое] суб[ъективное] развитие или раскрытие врожденных личных задатков и способностей, но по преимуществу опыт, действит[ельное] и существ[енное] общение с другим для познающего человека, с предметом, с пр[иродным] миром. Позн[ание] двуедино, это – действит[ельная] встреча двоих, встреча и как бы симбиоз. Всякое познание автобиографично, но не в том см[ысле], что мыслитель повествует о самом себе, о л[ичном] и сл[ишком] л[ичном], о своих пережив[аниях], но – в том, что он описывает то, что ему им[енно] открылось в опыте касания к другому, что им было испытано и изведено со всей непосредств[енностью] и силой. По-разному можно подходить к чужим мировоззрениям.

собственному самосознанию и самоопределению, и судить его дело как религиозное дело. Этого он сам хотел».

¹¹ Слова «мы» и «обычно» переставлены местами.

¹² Слова «научиться» и «из него» переставлены местами.

¹³ Слово вставлено.

¹⁴ Слово вставлено.

¹⁵ Слово вставлено.

¹⁶ Слово вставлено.

в редкие любовные минуты мы видим и бескорыстно вглядываемся в чужие лица. Так бывает – и так должно быть – в жуткие минуты последнего целования, когда человек от нас уходит, и душа невольно сосредотачивается на главном и на последнем, и вдруг обнажается «тайна роковая» жизни¹⁷.

Это не значит, что дела и мысли человека не дороги и не важны. Но никакие рукотворные создания не должны заслонять от нас человеческую душу, душу ближнего нашего, нашего брата. И это нравственное обязательство и долг не следует забывать и при историческо-философском исследовании. Конечно, каждая философская система есть замкнутый мир, в котором множественные части внутренне сложены и соподчинены в единстве, своего рода умопостигаемая геометрия, через которую могут быть понят и [5] выведен из небольшого числа основоположений и предпосылок. Надо обнаружить эту аксиоматику каждого мировоззрения, раскрыть его логический строй и склад, надо установить некие идеальные типы мировоззрений. (При этом мы сознательно и методически отвлекаемся от живых подробностей, осложняющих логическую ткань системы, от всего того, что свидетельствует о ее происхождении, что связывает ее с единственными условиями времени и места, с личным и особенным опытом ее творца). Это – совершенно правомерный и с известной точки зрения необходимый прием.

И, конечно, всякое мировоззрение, всякая философская система есть некое замкнутое целое, законченное и самозаконченное строение, своего рода замкнутый мир, в котором множественные части внутренне сложены и соподчинены в единстве, своего рода, умозрительная геометрия, теорема которой...

При этом мы сознательно отвлекаемся от живых подробностей, от всего того, что свидетельствует... [о ее происхождении], что связывает ее с особенным и неповторимым опытом отдельного лица. И на это мы имеем относительное право. Но никакие рукотворные создания не должны заслонять от нас живую человеческую душу, душу ближнего нашего. Мы

¹⁷ Флоровский частично повторяет эту мысль в конце стенограммы речи.

Недопустимая ошибка совершается тогда, когда такой догматический или систематический метод мы принимаем за исторический, за единственный и за конечный, когда вся история мысли разрешается для нас в бесплодное движение самодовлеющих идей, когда мы забываем, что идеи живут только в лицах и что подлинным субъектом познавательного искания и подвига являются всегда только живые люди.

[6] В такой забывчивости, в такой односторонней установке много морального жестокосердия, нелюбовного нечувствия к тем, кто горел, волновался, болел познавательными загадками, кто изживал их в тревоге и сердечной туге, кто страдал и томился в страстном подвиге познавательного творчества.

И вместе с тем такая недобрая забывчивость ведет и к познавательным ошибкам. Ибо в последнем счете реальная плоть истории слагается именно из личных жизненных опытов, подвигов и драм.

никогда не вправе забывать [2] об эт[ом] нравств[енном] долге внимания и чуткости к ближним.

И мы бываем повинны в жестокосердии, в нелюбовном нечувствии, к[огда] забываем о тех, кто болел и томился позн[авательными] загадками, кто переживал их в кровав[ом] поту и серд[ечной] туге, кто страдал и томился в страстном подвиге познават[ельного] искания и творчества. Мы совершаем непростит[ельную] нравств[енную] ошибку, когда принимаем догматич[еский] или сист[ематический] метод исследования м[иро]в[о]з[р]е[ния] за единств[енный] и конечный, когда история разрешается для нас в... [бесплодное движение самодовлеющих идей], когда мы забываем о том, что... [идеи живут] в един[ых], инд[ивидуальных] сознаниях.

И эта недобрая забывчивость ведет и к познавательным ошибкам, – ибо реальная плоть ист[ории] слагается... Такое понимание ниск[олько] не угрожает об[ъективности]сти фил[ософского] творч[ества].

История философии есть история познават[ельных] опытов, на истину устремленных, а не история самой истины, она повествует о познавательных усилиях и делах людей, и не должно смущенно и малодушно изумляться тому, что к общей заветной цели идут множественными, разными путями, что многие из этих путей извилисты, иные кривы, иные упираются в тупики или срываются в бездну. История философии есть великое, собирательное дело [7] и слагается она из множества отдельных, малых, личных дел и созданий, не всегда между собой согласных и совместимых, часто враждебных друг другу. И каждая философская система есть такое дело, – не только эмпирическое дело и событие, но и некое метафизическое свершение и событие. Ибо каждая подлинная и творческая ф[илософская] система есть рассказ и истолкование действительного опыта, рассказ о какой-то встрече и общении познающего с познаваемым, о каком-то таинственном и неповторимом субъект-объектном (свидетельстве или)¹⁸ симбиозе. И всякая такая встреча есть факт космического значения, – она отражает в судьбах мира и человека, меняет и творит его судьбу. И разное встречается и открывается человеку, и по разному вырастает и слагается душа, смотря по тому, что ему открылось, что он возлюбил, к чему прилепился, и чем живет его душа.

– Я не стану доказывать и отстаивать существенную справедливую

И[стория] ф[илософии] есть история п[ознавательных] опыт[ов], на ист[ину] устр[емленных], а не самой истины, повесть о розыскании истины, о познават[ельных] усилиях и делах людей – и не д[олжно] смущенно и малодушно изумляться, что многие из историч[еских] путей познания извилисты, иные кривы, иные... тупики или срыв в бездну.

И[стория] ф[илософии] есть вел[икое], собират[ельное] дело...

И каждая ф[илософская] с[истема] есть дело, не т[олько] эмпирическое дело и собы[тие], но и пр[ежде] вс[его] некое м[ета]ф[изическое] свершение и событие, им[еющее] реал[ьный] и космич[еский] смысл и значение...

Я не стану сейчас отстаивать и обосновывать...

¹⁸ Круглые скобки подставлены карандашом.

вость такого подхода, э[той] т[очки] зрения. Ее применимость, ее неложность в нынешнем частном случае обеспечивается и свидетельствуется ее полным согласием и соответствием с воз-[8]зрением и убеждением самого Соловьева. И Соловьев оставил нам для подражания вдохновенный образец такого историко-философского анализа, – я разумею его проникновенный рассказ о жизненной драме Платона¹⁹. Здесь Соловьев учил понимать умозрительные сюжеты, как знаменательные события в чел[овеческом] духе, понимать их из живого и подвижнического личного опыта их творцов. Это обращение к личному, индивидуальному опыту нисколько не угрожает объективной значимости и об[ъ]ективному достоинству систем, ибо каждая из них есть автобиографический рассказ не в том смысле, что каждый мыслитель рисует свой личный автопортрет, развивает свои особенные воззрения, а в том, что каждый описывает познаваемый, сам по себе сущий предметный мир так, как он ему открылся в им изведенном и пережитом опыте²⁰.

В этой подлинности опыта, в действительности предметных встреч и коренится вся сила и значительность филос[офской] мысли. Для Соловьева это всегда было ясно; он видел и знал исторические дела философии, и всю философию восприни-[9]мал и переживал, как единое историческое дело, в пределах которого он видел и

Ее прил[ожимость] в д[анном] частн[ом] случае свид[етельствует]ся и обеспеч[ивает]ся тем, что так им[енно] думал и мыслил с[ам] С[оловьев]

И он оставил вдохнов[ляющий] образец...

С[оловьев] ясно видел и знал *ист[орические]* дела ф[илософ]ии, и всю историю воспринимал и переж[ивал] к[ак] единое вел[икое] и всел[енское] дело, – кон[ечно], сла-

¹⁹ Имеется в виду сочинение Соловьева «Жизненная драма Платона» (1898).

²⁰ Ср. текст стенограммы, лист 1.

избирал для себя очередную и настоятельную задачу.

Еще и еще раз надо это запомнить: философия для Соловьева не была бездейственным созерцанием, общностью отвлеченной теории, – но делом прежде всего и после всего.

И чрез всю свою жизнь он пронес и исповедовал убеждение, что, «занимаясь философией, он занимается делом хорошим, делом великим, и для всего мира полезным», – ибо философия есть самоосуществление человека, есть исполнение мировых судеб.

гающееся из... И внутри эт[о]го всел[енского] дела он наход[ил] и свое призвание, частн[ую] и особ[ую] задачу св[оей] ж[изни]. Ф[ило-соф]ия для С[оловьева] не была безд[ействием]: соз[нательно], он начал с твердого заявления, что *ф[ило-соф]ия в смысле отвл[еченного] ИСКЛ[ючительно] теор[етического] позн[ания]* ОКОНЧИЛА СВОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРЕШЛА БЕЗВОЗВРАТНО В МИР ПРОШЕДШЕГО.

Этим убеждением он жил и горел, его исповедовал чрез всю свою жизнь. Ф[илософ]ия – дело... «что занимаясь фи[лософи]ей, он занимается делом хорошим, делом великим и для всего мира полезным», ибо ф[илософ]ия есть самоосуш[ествление] чел[ове]ка, исполнение миров[ых] судеб... В этом жизн[енном] исповедании С[оловьева] надо различать правду и ложь. На нем несомн[енно] сказалося преувелич[енное] гегельянское самосознание, пафос филос[офского] самолюбования, пафос самоутв[ерждения] разума. И вместе с тем здесь есть неопроверж[имая] правда... И вм[есте] с т[ем] ф[илософ]ия для С[оловьева] не была личн[ым], эгоистич[еским] делом, но им[енно] делом всел[енским] и соб[орным]. Хотя начинается ф[илософ]ия всегда с личн[ого] самосозн[ания] и сопр[икосновения], с крит[ическими] проб[лемами] личности, и есть к[ак] каз[алось] С[оловьеву], по сущ[еству] область личного разумения, тем не менее в ф[илософ]ии совершается сложение инд[ивидуальных] усилий, и не ф[илософск]ое творч[ество] отд[ель-

И когда мы говорим о творческом пути Соловьева, речь идет не об его биографии, хотя бы психологической и духовной, но о том, как раскрывались и развивались прирожденные задатки и склонности его души. Речь идет о феноменологии предметного философского сознания, о том субъектно-объектном симбиозе, который совершается и совершился в ищущей и тревожной душе. Познание есть тайна двух – мыслителя и узнаваемого им [10] предмета. И, может быть, еще одна предварительная оговорка будет здесь не неуместна. Утверждением предметности, объективизма всякого филос[офского] сознания, всякой фил[ософской] установки, мы отнюдь не уравниваем все системы в ценностном смысле, не принуждаем приписывать их равнозначность. И не только потому, что разным может быть их предметный захват, их предметная емкость, и они могут быть узки или широки. Впрочем, и неполнота захвата бывает не только количественной, но и качественной, и бывают такие пробелы, от которых и охваченное приходит в разброdstво²¹ и является в извращенном порядке. Но этого мало – разное и разнозначное может являться в умном видении. В предметном мире есть не только градация и уровни, но и равнокачественная сфера. Есть ложные предме-

ных] лиц, а вся совок[упность] истор[ических] усилий есть подл[инная] ф[илософ]ия. В эт[ом] отн[ошении] тоже С[оловьев] оставался близок к нем[ецкому] ид[еали]зму. [3] В разн[ые] эпохи по разному С[оловьев] представлял себе смысл ф[илософско]го дела и действ[ие] ф[илософско]го духа. В ранние годы, к[ак]... Шоп[енгауэр], б[ыть] м[ожет] он мечтал силою проповеди убедить в ничтож[ности] мира сего, силою раз[умного] убеждения погасить слепую жажду эгоист[ической] обособл[енности] и разд[еленности] сущ[ествован]ия, погасить волю к жизни. Этот расс[удочный], инт[елле]к[туальн]ый мотив навсегда в сознании С[оловьева] сохранился, но получил иное напр[авлен]ие и смысл... не проп[оведь] уничтожения, но примир[ение], оправд[ание] мира. И при этом он слился с другим, реалистич[еским] мотивом... Здесь у С[оловьева] прорывался своеобраз[ный] шеллинг[ианский] и общером[антический] мотив – теургич[еская] роль иск[усств]а... третья часть «К[ритики] О[твлеченных] На[чал]»... – Надо ясно разобраться в[о] внутр[еннем] смысле того, что фил[ософи]я есть истор[ическое] дело... становление ч[елове]ка... У Сол[овьева] все это окутывается густ[ым] утопич[еским] туманом... Его утопизм. Мы знаем, что в ранней молодости он был соц[иалист]ом, и кон[чил] *утопич[еск]им* Фурье. Космич[еский] асп[ект] ф[урьер]изма. Затем Гартм[ан] Теософия и

²¹ Слово написано неразборчиво.

ты, есть бездверные миры, – их описание заводит умозрение в тупик и бесплодность. И потому так важно с самого начала распознать, какой угол предметного мира открылся тому или другому мыслителю, на чем, на камени или на песке²² строил он и возводил свое умозрительное здание.

[11] В духовном становлении Соловьева прежде всего бросается в глаза его ранняя и, я сказал бы, торопливая зрелость. Едва выйдя из юношеского возраста, он выступает с твердым и решительным философским исповеданием, предопределяющим его дальнейшие творческие шаги, – я разумею его магистерскую диссертацию о кризисе западной философии. И к тридцати годам он успевает как бы высказаться до самого конца, успевает во всяком случае систематически раскрыть свой религиозно-метафизический замысел если не во всех, то, по крайней мере, во всех главных и основных его частях. Соловьев родился в 1853 году, а к 1883 году были уже написаны и опубликованы все его собственно философские произведения, занимающие первые три тома собрания его сочинений. И, как известно, в последующие годы он мало что прибавил к высказанному им в начале; в средние годы своей жизни он сосредоточил свое внимание на прикладной, практической стороне своего мировоззрения, – кратко повторял на разные лады свои изначальные положения, делал из них нечто систематическое, и только под самый ко-

ТЕОКРАТИЯ не от ка[толичес]тва, а напр[имер]... Эротич[еская] утопия поздн[их] лет. Экономич[еская] утопия в «О[правдании] Д[обра]». Таинства и магия (искусство). *Преображение* мира. Воскресение и *воскрешение*.

Связь с мас[онской] мистикой.

Утопизм С[оловьева] не был случайным уклонением, неожиданной ошибкой великого ума. Напр[отив] он тесно связан с осн[овным] фи[лософски]м видением С[оловье]ва.

Ранняя и, я ск[азал] бы, торопл[ивая] зрелость С[оловье]ва...

²² Аллюзия на Мф 7: 24–27.

нец своей жизни он вернулся к филос[офским] вопросам и апориям, по существу принялся за частичные выводы и по прежнему тосковал об их коренном пересмотре. [12]

И тем не менее было бы неосторожно и неверно преувеличивать стройность и устойчивость его умозрит[ельного] опыта, и из ранней его философской зрелости заключать о гармоническом как бы прирожденном складе его души. В буквальном смысле «На заре туманной юности» он пережил тяжелый и тягостный духовный кризис, и след этого потрясения сохраняется на всю жизнь, — он явственно сказывается уже на самом умозрительном замысле, на самой постановке вопросов и на методе их разрешения. Не легко дались Соловьеву Богоборческие искушения юности, и на всю жизнь он остался отравлен таким ядом сомнения и подозрительности²³. Конечно, теперь не может уже быть и спора о действительности мистико-метафизического опыта Соловьева. Совершенно очевидно и несомненно, что Соловьев

²³ Ср.: *Флоровский Г.В. Молодость Владимира Соловьева // Путь. 1928. № 9. С. 83–88. С. 83: «Нужно помнить: “молодые годы” для Соловьева, это — время творчества, а не простого ученичества. В духовном становлении Соловьева прежде всего бросается в глаза его ранняя и как бы торопливая зрелость. “На заре туманной юности”, на двадцать втором году, он выступает с твердым и резким философским исповеданием, — и к тридцати годам он успевает высказаться, — в систематической форме, — по всем почти основным вопросам религиозной метафизики. В последующие годы он только повторяет и договаривает сказанное тогда. Это не значит, конечно, что творческий путь Соловьева был ровным и мирным. Напротив, хотя сам Соловьев и старался замаскировать изломы своего пути и придать ему вид естественного развития, не может быть и спора, что духовное становление Соловьева совершалось бурно, катастрофически, скачками, с резкими и мучительными переломами и перерывами».*

был сильным и чутким мистиком, а не только мистицистом. У него бывали видения, непостижные уму, и по собственному опыту, а не с чужих слов он говорил о метафизических тайнах. И вместе с тем не только по простому недоразумению действительность мистического опыта Соловьева ставилась когда-то под знак вопроса, – для этого есть свои основания, их дает сам Соловьев. От внимательного наблюдателя не может укрыться, что Соловьев постол[13]жно обнаруживает какую-то неуверенность и даже недоверчивость к прямому и непосредственному свидетельству веры или интуиции. Более того, он прямо признает ее недостаточность, – в его понимании, вера сама по себе свидетельствует только о наличности или действительности познаваемого предмета, только о том, что он есть, но совершенно безмолвствует по вопросу о его существе и сущности, о том, что он есть. Здесь она требует восполнения другими способностями или силами чел[овеческого] духа, и прежде всего разумом. Именно разум раскрывает основные признаки или черты, «сущность» свидетельствуемого верой существующего предмета. И при этом дело идет не об умном видении, не о спекулятивном или интуитивном разуме, но именно о разуме формальном или отвлеченном, о *ratio*, а не о созерцающем *Logos*'е. С этой именно точки зрения Сол[овьев] оправдывает отрицательное развитие европ[ейской] истории, отпадение от веры обособление разума и рассудка

в автономическом самодовольстве. Ибо надо было отковать и выплавить новую форму для содержания веры. Необходимость такого отрыва от содержания для выработки для него формы явно предполагает какую-то странную двойственность и взаимную независимость формы и содержания. И эту двойственность Сол[овьев] не столько снимает, сколько примиряет: в конце концов его всеобъемлющий синтез остается мозаическим, а также непрочным²⁴. Соловьев стремился к «оправданию веры» выведением ее на высшую ступень разумного сознания, – точно самодостовверный опыт веры нуждается в подпор-[14]ках диалектического или дедуктивного характера. Сол[овьев]у казалось, что нуждается он сам испытывал в этом потребность²⁵. Вера сама по себе казалась ему «верою слуха», какой-то внешней инстанцией, внешним авторитетом. И в этом своеобразном отождествлении веры и авторитета коренится неудовлетворенность Соловьева верою. Вера, как самодостовверное созерцание, как прямое «вещей обличение невидимых», остается для С[оловьева] не то неведомой, не то недоступной. И с этим сочетается другой мотив: вера, по Сол[овьеву], соответствует уровню непосредственной], патриарх[альной], бытовой, слитной жизни, предшествует рождению и самоопределению автономной разумной личности. Это

²⁴ Фрагмент, начинающийся словами «С этой именно точки зрения...» вставлен в текст на отдельном листе.

²⁵ Так в оригинале.

– дофилос[офский] уровень, и, в согласии с Г[егелем], Сол[овьев] определяет философскую область как область личного разума. И вот от личности требуется не только свободное приятие откровения, не только восприятие, но и доказательство, оправдание этого откровения, разложение его на истину личного разума²⁶. И в его замысле «свободной теософии», – всеобъемлющего синтеза положит[ельной] науки, отвлеченного мышления и веры, – своеобразно сочетаются два не вполне совместимые мотива: мысль о предельном совпадении, если можно так выразиться, трех независимых истин, эмпирич[еской], рациональной и мистической, и мысль о единственно преодолевающей силе рационального, мыслительного обоснования. Надо сознаться, впрочем, различия и противопоставления в модальностях познания у Сол[овьев]а очень сбивчивы и неотчетливы, схемы, которые он устанавливает в различных местах и по разл[ичным] поводам не совпадают между собой, но все таки нельзя отделаться от впечатления, что для Соловьева «вера» сама по себе слепая, как будто не обладает внутр[енней] очевидностью и самодоверенностью, и только от разума получает свое оправдание и притом от такого разума или мышления, которое само по себе пусто, и совершенно бессильно обосновать действительность своих образов и прозрений. И поэтому не вера, но теософия представля-

Вера и разум... – «научно-ф[илософская] рели[гиозная]... теософия... от[но]с[ительное] невнимание и как бы невосприимчивость к мистич[ескому] богатству и святыням к[ак] Вост[очная], так и Запада... Хар[актерно], С[оловьев] оставался замкнут в узк[ом] и тесн[ом], в душ-

²⁶ Фрагмент, начинающийся словами «Вера сама по себе...» вставлен в текст на отдельном листе.

ется Сол[овьев]у познавательной полнотой. Здесь своеобразно сочетаются разнородные мотивы из руслу немецкого идеализма – от Канта до Гегеля. Но при всем [15] том С[оловьев]у остается чуждым интеллектуальное созерцание, верующий разум, – цельность духа носит у него мозаический, амальгамированный характер, она слагается из разнородн[ых] и почти что независимых элементов. С этим связано и своеобразное нечувствие Соловьевым и мистической полноты христ[ианской] истории и действительности, та странная близорукость, от которой он просмотрел все мистические богатства не только Правосл[авного] Востока, но и дорогого его сердцу Католического Запада, так что все судьбы христианства свелись в его изображении к наследию виз[антийского] цезаропапизма и к удачам теократической организации Римской церкви. Отставим в стороне эти подробности.

ном кругу сект[антской] и гностич[еской] мистики... У него бывали вид[ен]ия непост[ижные] уму... О ядовитой силе и заразительности его мистики (Блок, Белый). Мистич[еские] волны и приливы в жизни С[оловье]ва в связи с его эротикой... и во всяком случае не по рел[игиозным] мотивам С[оловьев] стал тяготеть к к[атолическому] теократич[еский] уклон и только... И здесь мы касаемся темного и загадочного места и в опыте, и в сознании С[оловье]ва, это – его «три свидания», его видения и учение о В[ечной] Ж[енственно]сти, о Душе мира, о Софии...

Пантеизм и теизм. Эманация и творение. Необходимость самого мира, его вечность в самом Боестве, нужда в нем со стороны Бога... Отсюда пафос необход[имости] во всей ф[илософии] С[оловье]ва, его детерминизм... Отсюда его своеобразный эволюционизм. Теория конечного прогресса. Телеологический [4] автоматизм. Отсюда и общественный утопизм во всех его формах. Сбивчивость в понятии церкви. А в посл[еднем] счете речь идет о какой-то не-историч[еской] церкви, вроде того эона – экклезия, – кот[орая] является в системе Валентинова гнозиса...

Идея всемирной организации, – «всем[ирной] монархии»...

Крушение теократической утопии, оно было связано с глубокими сдвигами в сознании и опыте... Эротика 90-х годов... Нарастающее чувство зла. Но это мистич[еское] пробуждение не освобождало и не освежало

С[оловьѣ]ва. Мистич[еские] страхи...
Жизн[енная] драма Платона... Теоре-
тич[еская] фи[лософи]я... – Три раз-
говора, – снижение мирских задач:
правда в том, и в то же время разоча-
рование, отречение от очень важно-
го... Антихрист.

Личное крушение и боль...

Основное противоречие С[оловьѣ]-
ва: он ставил себе задачу церк[ов-
ной] философии, и пытался ее ре-
шить на основах нецерк[овного] опы-
та.

Пафос необходимости и субстан-
циальности, нездоровая земная эро-
тика, вожделение здешнего, посяс-
тороннего преобразования...

Правда Соловьѣва: чувство исто-
рии, действенный реализм...

Выход: рел[игиозное] смирение и
церк[овный] опыт.

Трудно и тревожно говорить о по-
следней судьбе человека, и больно
касаться кровоточащих ран смятен-
ного сердца. И только в редкие люб-
бовные минуты нам удастся под-
няться до той высоты, над которой
суд над чужой жизнью свободен от
жестокосердия, и не переходит в
горделивое осуждение. Так бывает в
торжественные и жуткие минуты по-
следнего целования, когда мы разлу-
чаемся с живым лицом... Так должно
быть и в минуты поминовения и вос-
поминаний.

Чем помочь обманувшей, обману-
той доле, / Как задачу судьбы за дру-
гого решить / Кто мне скажет? Но

Попробуем только [понять] фено-
менологический смысл этого своеоб-
разного рационализма Соловьѣва. И в
нем сразу приоткрывается одна из
роковых тайн его умозрительного
опыта, одна из трещин, повлекших за
собой крушение его филос[офского]
здания в конце концов. Чрезмерности
диалектики и дедукции у Сол[овьѣ]ва
свидетельствуют о какой-то острой
нужде, которую испытывал в них
Соловьѣв. Это как будто отзвук
дневного «благоуханного покрыва»²⁷,
по выражению любимого самим [16]
поэтом, который наброшен над
мрачной и темной бездной, чтобы
скрыть мутный хаос от испуганного
и пугливого взора. Сол[овьѣ]в, при
всей своей мистич[еской] чуткости,
оставался как бы невосприимчивым
и нечувствительным к очевидности, и
всегда искал и требовал доказатель-
ности, оставался всегда нетвердым в
своей вере, всегда во власти скепти-
ческой подозрительности. И самый
смысл жизни, смысл мира он не
столько ощущал, сколько доказывал.
И плел изоощренные диалектические
ткани, словно пытаясь подобным
способом завеситься от тайны греза-

²⁷ Выражение из стихотворения Соловьѣва «Земля владычица! К тебе чело скло-
нил я...» (1886).

щей и [...]»²⁸. Во всей философской системе Соловьева, такой радостной, как будто торжествующей, победной, чувствуется неизбежный метафизический испуг. И, как знать, не был ли и самый утопический оптимизм Сол[овьев]а в известной мере защитным приспособлением в борьбе с подавленными страхами?

И здесь мы снова должны вернуться к начальной точке. Богоборческие борения юности разрешились для Соловьева пессимизмом, и через Шопенгауэра и затем Гартмана он медленно перешел к христианству, к задаче его умозрительного оправда-
[17]ния...³⁰

сердце томится от боли / И чужого крушенья не м[ожет] забыть...»²⁹

С[оловье]ву мы многим обязаны: и все слабости, и соблазны не должны заслонять его праведного дела, его рел[игиозного] служения. Но и обр[атно], наше благодарное чувство к тому, кто многих из нас впервые пробудил от догматич[еского] сна, кто учил нас рел[игиозн]ой ответственности ф[илософско]го делания, кто многим помог в трудном подвиге церк[овного] самосознания и самоопределения, – это благород[ное] чувство не заслонит от нас мучит[ельной] жизн[енной] драмы дорогого нам мыслителя, его соблазнов и падений. Мы должны освободиться от своекорыстия, – в ф[илософск]ом наследии С[оловье]ва искать не т[олько] того, что нам м[ожет] помочь и пригодиться в нашем искании и борьбе, не т[олько] того, чем мы для себя мож[ем] [5] попользоваться[, но] и того, чем горел и от чего сгорел сам философ. Этим мы воздадим ему лучшую память, нежели шумными и неправдивыми панигириками, в кот[орых] говорим больше о себе, чем о нем, и в

²⁸ Слово неразборчиво из-за чернильной кляксы.

²⁹ Третий куплет стихотворения Соловьева «Песня моря» (1898), посвященного А.А. Фету.

³⁰ Окончание отсутствует.

к[ото]рых забываем о его умозрительной кручине... И тогда все творчество С[оловье]ва сольется в единый крик боли, который лучше всего передать словами самого С[оловье]ва, – словами, к[ото]р[ы]ми он провожал в могилу своего долголетнего, интимного друга, Фета:

Здесь тайна есть...

Мне слышатся призывы,

Непримиренное вздыхает сиротливо,

И одинокое ~~рыдает~~ горюет над собой...

И в урочный день воспоминаний мы принесем тогда к дорогой могиле не только свои восторги, не только свою благодарность, но – и молитву.

Непримиренное вздыхает сиротливо,

И одинокое ~~рыдает~~ горюет над собой.³¹

Публикация подготовлена П.Л. Гаврилюком

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Письмо Г.В. Флоровского К.И. Симоновой (в супружестве Флоровской) от 1 (14) сентября 1924 г. // Georges Florovsky Papers, Princeton University Library. Бокс 55, папка 5.

Флоровский Г.В. Молодость Владимира Соловьева // Путь. 1928. № 9. С. 83–88.

Georges Florovsky Papers, St. Vladimir's Seminary Library.

Blane A., Bird T. Interview with Fr. Georges Florovsky. April 4, 1969 // Личный архив Эндрю Блейна.

³¹ Статья Флоровского «Молодость Владимира Соловьева» также заканчивается этим четверостишием.

**The Creative Path of Vladimir Solovyov.
A Lecture by Georges Florovsky**

REFERENCES

“Pis'mo G.V. Florovskogo K.I. Simonovoi (v supruzhestve Florovskoi) ot 1 (14) sentyabrya 1924 g.” [The letter of G.V. Florovskiy to K.I. Simonova (in marriage Florovskaya) from 1 (14) of September 1924], *Georges Florovsky Papers, Princeton University Library*. Box 55, folder 5.

Florovskiy, G.V. “Molodost' Vladimira Solov'eva” [Vladimir Solov'ev's youth], *Put'* [The Way], 1928, no 9, pp. 83–88.

Georges Florovsky Papers, St. Vladimir's Seminary Library.

Blane A., Bird T. Interview with Fr. Georges Florovsky. April 4, 1969 // Lichnyi arkhiv Endryu Bleina.